

Алексей впервые увидел сорок рано утром. Его разбудил хлопок двери вагонного туалета, заставив невольно выглянуть в окно, а птицы уже порхали в перелеске. Минут через двадцать, когда командированный сел пить чай, сороки снова промелькнули между деревьями. И спустя два часа крылатые непоседы все так же взмывали в воздух, садились на ветви и провода, тревожа отдохнувших по соседству пернатых товарок. Иногда Лехе казалось, что одна и та же птица летит вдоль линий электропередач наперегонки с поездом.

Картинка за стеклом не поменялась и к вечеру. Бесконечный горизонт полей – ровных, словно бильярдный стол, с ворсом стриженного жнивья и редкими оазисами-рошицами. Есть ли в командировке что-нибудь более унылое, чем вид Западно-Сибирской равнины из окна вагона? Каждому, кто хоть раз отправлялся поездом через страну, знакомы эти два дня, два совершенно невыносимых дня между Красноярском и Уралом с замершими просторами и редкими полустанками. И только сороки немного разбавляли почти безжизненный пейзаж.

- Тоже сорок любите? – неожиданно нарушил тишину сосед, читавший книгу на верхней полке.
- Да так, – пожал плечами Леха, продолжая глядеть на черно-белую жизнь за окном. – Смешные птицы.

– Смешные, – улыбнулся попутчик. – Бывает, уставлюсь на них, так и гляжу битый час. Не надоедает почему-то.

- Хотя что-то там трепыхается, – согласился Леха. Дверь распахнулась, и в купе вплыл Григорий Иванович. Его лысина блестела мелкой испариной.
- Ох, говорил же: надо было самолетом лететь, – засопел дядя Гриша, вытирая макушку платком. – Это вам, молодым, легко, а у меня возраст, ревматизм. Бессонница!

Но Леха готов был простить коллеге любое ворчание. Что бы он делал без Иваныча? Продукция родного комбината вызвала на выставке настоящий ажиотаж – ткани из поливинилхлорида с напылением, изготовленные на новых японских станках, наконец-то привлекли серьезных заказчиков. Пока Леха представлял образцы на стенде, дядя Гриша терпеливо окучивал потенциальных партнеров, обзаводился десятками необходимых контактов. Хабаровск, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Тюмень, Челябинск – география наклеивающихся контактов впечатляла.

- Теперь заживем! – смеялся Иваныч в ресторане, потрясая вилкой с ломтиком копченого омуля. – Все заводы тонут, а мы на гребне волны. На самом верху, Лешенька! Забудь ты старую жизнь – все эти нищенские бартеры, сезонные заказы и прочую худерьбу из-под ногтей. Впереди настоящие

деньги, Лешка! И поверь мне: совсем скоро они потекут рекой!

От слов дяди Гриши у Алексея на сердце что-то съезилось, будто береста, которую швырнули в костер. Он не любил, когда Иваныч говорил про деньги. Такие разговоры ласкали слух беспечным вечерним солнышком, но Леша чувствовал, что это солнце заходит в сизые тучи, не предвещающая доброй погоды. Даже нерастрченный НЗ в потайном кармане пиджака не согревал. Леха привык брать в дальние поездки деньги про запас. Брал много – на всякий случай. И всегда вспоминал бабушку, старательно заворачивавшую в тряпочку часть пенсии на черный день.

Так же поступала и мать. Леша закрыл глаза и на секунду представил маму в день полочки. Вот она стоит у серванта, открывает створку, вот прячет куские красноватые купюры в стопку старых писем от отца...

Это воспоминание создало в Лехиной голове странный вакуум, похожий на тот, что возникает на свадьбе вокруг бедного родственника. Всего три дня назад они сидели в провинциальной ресторации, на улице грохотали громовые раскаты и падали первые крупные капли, а пьяненький дядя Гриша все рассуждал о неизбежных светлых перспективах. Его слова царапали, обжигали, отскакивая от столовых приборов в наэлектризованном воздухе острыми молекулами озона, но не приносили долгожданной прохлады. Вот и сейчас далеко на западе небо снова набухло темно-синим.

Алексей отдернул занавеску – по пальцам едва слышно шелкнул разряд статического электричества. – Иваныч, только не начинай старую песню, – взмолился Леха. – Едем домой – и слава богу. – Ладно, потерпим. Вспомним, так сказать, юные годы. – Григорий Иванович откупорил бутылку коньяка. – Ну, тогда еще раз – за наш с тобой успех!

Сосед на верхней полке вздохнул и отвернулся к стенке.

Гномон солнечного зайчика дрожал, застыл какое-то время на стене, затем скользнул по двери купе. Леша любил следить за случайным путешествием желтого пятна, менявшего порт приписки при каждом повороте состава. Ему чудилось, что поезд в эти моменты превращается в гигантские солнечные часы, которые несутся между часовыми поясами, отсчитывая неумолимый бег минут и секунд по-своему.

Этот отчет казался Лехе единственным правильным временем – теплым, как старенькие бабуш-

кины ходики, и не законсервированным в понедельник, среды и пятницы. Оно пахло терпким угаром титана, разогретого к ночи немолодой проводницей, и неуловимым поветрием, с которым пассажиры почему-то хотят поскорее распрощаться, забыть невыносимый прочерк между станциями отправления и назначения. И лишь что-то живое в этой длинной черте пыталось достучаться метрономом колес, семафорило светлячками полустанков и сигарет в тамбуре: «Живи, живи, живи, Леха!»

Поезд пролетел мимо шагающих в вечернюю даль великанов мачт ЛЭП. Алексей заметил, что и там, наверху, тоже сидели сороки, но, в отличие от подруг, стрекотавших в перелеске, никуда не торопились. Миг – и угловатые конструкции исчезли, будто их и не было, а птицы внизу снова соревновались в скорости с локомотивом, словно связанные жизни, которую никак не удается поймать за хвост. Но Леха почему-то думал о сороках, что остались на высоковольтных проводах.

А что, если смерть – не конец пути, не черный провал и не тоннель, а перпендикуляр просек с неведомо куда бегущими линиями электропередач? Кто-то поехал по рельсам дальше, а ты – хлоп-хлоп! – внезапно пересел с оси абсцисс на ось ординат, и тебе в глаза немигающим взглядом смотрят смешные птицы. А может, и не птицы вовсе, а гильзы из-под выпущенных впустую минут бестолковой жизни. Они передали по эстафете олимпийский огонь времени, а сейчас выкристаллизовались на проводах, уходящих в никуда. Леха силился припомнить, почему птиц на высоковольтных линиях не бьет током, мысленно открывал учебник физики, но так и не нащупал давно забытого объяснения.

Дверь купе юркнула вбок, и солнечный зайчик на мгновение высветил тонкие выцветшие губы. Усталая женщина с вымученной улыбкой предлагала пассажирам соки-воды, печенье, газеты и журналы. «За рейс сдаешь начальнику поезда десять тысяч, – рассказывала Лехе двоюродная сестра Люда, успевшая поработать проводницей. – Не сдашь – пиши заявление. Вот и берем с девчонками товар на реализацию, иначе выкладывай “десятину” из зарплат!».

– Что-то есть хочется. – Леха зябко поежился. – Вот те на! – крикнул дядя Гриша и поставил складной стаканчик на стол. – Ты не наелся? Нарезка осталась, вот сыр. Не хочешь? Тогда пошли в вагон-ресторан. – Да ну его, – скривился Лешка. – В прошлый раз изжога разыгралась. Домашнего бы, картошечки разварной с маслом. Какая следующая станция?

– Барабинск, – подсказали сверху. – Через полчасика подъезжаем.

– Там и купим чего-нибудь, – приободрил Иванныч. Состав замедлил ход, и рельсовые линии побегали в стороны, разветвляясь на множество путей.

– Вот и Барабинск, – удовлетворенно потер руки Григорий Иванович. – Сколько стоим, десять минут? Все, пошли!

Коллеги выскочили на перрон. Солнце садилось, последние отблески багровых лучей скользили по сухому асфальту, забавно удлинняя тени спешащих людей. Подножки вагонов сразу атаковали стайки бойких торговков.

– Картошечка с курочкой! Горячая картошечка!
– Беляши, пирожки, чебуреки! Подходим, подходим!
– Пиво, вода... Рыбка, рыбка, рыбка!
– Мужчина, берите курочку!
– Огурчики малосольные, кому огурчики?
Мужики вклинились в ряд торгующих теток.

– Леш, первое попавшееся не бери, – на всякий случай предупредил дядя Гриша. – Сначала походи по перрону.

Алексей прорвался сквозь толпу кричащих женщин и обвел взглядом платформу. Некоторые продавцы, зная, что кто-нибудь из пассажиров обязательно прогуляется вдоль состава, не стремились штурмовать заветные пяточки у вагонов, а терпеливо дожидались своего часа позади толчеи. Командированный прошел к голове поезда, затем направился в хвост и вдруг на краю перрона заметил одинокий скрюченный силуэт.

Бабушка с тележкой на колесиках робко протягивала в сторону состава кулек. Здесь толкалось не так много торговков, но и они заняли у последних вагонов круговую оборону. Осознав полную бесперспективность попыток прорваться, бабка стояла позади конкуренток и лишь иногда оглядывалась в поиске случайного пассажира.

– Леш, ты куда? Поезд отходит через три минуты, – забеспокоился Григорий Иванович.

– Я сейчас! – крикнул Леха и умчался на край перрона.

Бабушка уже убирала непроданный кулек в сумку.

– Бабуль, картошечка горячая?

Женщина приподняла голову, не веря своему счастью.

– Горячая, сынок, – снова достала куль пенсионерка. – Возьмешь, что ли?

– Почему бы и нет? Сколько?

– Пятнадцать.

– Надо же, – удивился Леха. – Везде двадцать просят.

– Никто не берет, – развела руками бабка. – А мне хотя бы за пятнадцать продать. Хочешь, попробуй?

Бабушка распахнула кулек, и в лицо Алексея брызнул запах разварного картофеля, слегка приправленного тмином и щедро посыпанного укропом.

– А курочки нет? – Леха еще раз втянул ноздрями аромат нехитрой снеди.

– Извини, сынок, – бабушка явно смутилась.

Леха достал кошелек. Мелочи как назло не было – среди крупных банкнот лишь топорщился одинокий полтинник.

– Ну и ладно. – Леха протянул бабке синенькую купюру. – Давайте будем считать, что вы не зря приходили к поезду.

– Ой, много! – охнула бабушка. – А у меня и сдачи нет.

– Сдачи не надо, – не принял возражений Алексей. – Картошка у вас отличная.

– Спасибо, сыночек! – поблагодарила бабушка. – Дай Бог тебе здоровья!

Пожилая женщина нагнулась, чтобы убрать деньги в сумку, и тут Леха увидал на ветхой кофточке приличную заплату.

– Лех, куда ты пропал? – послышался вдалеке окрик дяди Гриши. – Поезд отходит!

Алексей и сам толком не понял, зачем это сделал. Рука автоматически нащупала в кармане стопку банкнот.

– Возьмите, – Леха сунул деньги оторопевшей женщине. – Будьте здоровы!

Не дождавшись ответа, он помчался к составу, прижимая к груди кулек с картошкой. Бежал, не оглядываясь – проводница уже отчаянно махала ему рукой:

– Молодой человек, скорее!

Леха едва успел запрыгнуть на подножку вагона и лишь тогда оглянулся. В сгустившихся сумерках в конце перрона еще светлел едва различимый сгорбленный силуэт.

– Проходите, проходите! – недовольно бурчала проводница. – И так чуть не опоздали. Покупки на остановках нужно делать заблаговременно!

Алексей прошел по составу до своего купе.

– Ну, ты и дал кросс, – покачал головой Григорий Иванныч. – Чуть без тебя не уехали.

– Картошка понравилась. – Леха положил кулек на стол.

– А почему с курицей не взял? – подивился дядя Гриша.

– Не было.

– Что же ты будешь есть? Омск еще не скоро.

Их старая бочкообразная стиральная машинка, напоминая маленькому Лешке американский космический корабль «Аполлон» из альманаха «Земля и человечество», давно сломалась, но это было даже к лучшему. Леша боялся, что если машинку починят, она снова загудит, заглушая остальные звуки в квартире, и мама больше не будет петь.

– Да и не хочу я курицу, – соврал Леха.

– Может, с тобой поделиться?

– Не надо, дядя Гриш, спасибо.

Григорий Иванович уплетал куриные ножки, а Леха еще несколько минут вдыхал запах теплых рассыпчатых желтых долек.

– Ешь, а то совсем остынет, – похлопал по плечу коллега, и парень наконец-то приступил к трапезе.

Тот аромат, который Алексей вдохнул на перроне, теперь витал в купе и приятно щекотал нос. Такую же картошку он ел в детстве, когда мама еще пела. Ставила варить почищенные клубни и напевала старую песенку про ландыши. Иногда песня отключивала в ванную, где мать одновременно замачивала белье. Тогда ее звонкий голос летел наперегонки с льющимся ручейком из крана, отражался от белого кафеля, отскакивал от коридорных стен, добирался до детской и замирал в благодарных Лешкиных ушах.

Их старая бочкообразная стиральная машинка, напоминая маленькому Лешке американский космический корабль «Аполлон» из альманаха «Земля и человечество», давно сломалась, но это было даже к лучшему. Леша боялся, что если машин-

ку починят, она снова загудит, заглушая остальные звуки в квартире, и мама больше не будет петь. Уступит ноющей какофонии вращающегося барабана, похожего на пропеллер самолета, который никогда не взлетит.

По возвращении из командировки им с дядей Гришей выписали премии. Снова потянулись тягучие недели, расфасованные по рабочим дням, пока однажды Леха не столкнулся в коридоре с запыхавшимся Иванычем.

– Я только что оттуда, – многозначительно ткнул пальцем вверх дядя Гриша. – Как в воду глядел – мы скоро расширяемся! Уже заказаны пробы новой продукции. Так что скоро лететь тебе, сокол, снова куда-нибудь навстречу солнышку.

– А как же ты? – не понял Леха.

– А я – тьфу-тьфу-тьфу! – больше не поеду, – обнажил зубы Иваныч. – Переводят меня.

– Куда?

– Только – тсс! – пока никому, – заговорщицки понизил голос дядя Гриша. – Замок генерального. Правда, бумаги пока не подписаны, но уже все решено.

– Ни фиги себе, – присвистнул Леша. – Круто взял, Иваныч! А твой отдел на кого кидают?

– На тебя. – Дядя Гриша понаблюдал за реакцией Лехи, но не выдержал и рассмеялся: – Шутка! На Колпачева, конечно. Но, думаю, и тебя не забудут. И у главного инженера ты на хорошем счету. Я за тебя на всякий случай словечко замолвил.

– Спасибо. А скучать не будешь по командировкам?

– Да вот они у меня где! – Будущий заместитель гендиректора убедительно провел ребром ладони по горлу.

– Зря ты так, Иваныч, – вздохнул Леха.

– Очнись, Леша, – фыркнул дядя Гриша. – Времечко идет. И, между прочим, не только мое. Сколько тебе, тридцать?

– Тридцать два.

– Тем более, – подытожил Иваныч. – Это ты, а не я должен первым чутя свежую кровь и отгрызать первый кусок. Потому что другого может и не подвернуться.

Леха только заснул, как его снова разбудил громкий смех вахтовиков.

– Не успел сесть в вагон, а телефон – «пилик»! – донеслось с нижней полки. – Десяти минут не прошло. И опять – «пилик», «пилик», «пилик»! СМС посыпались одна за другой. Минус девятьсот, минус девятьсот восемьдесят, минус восемьсот двадцать... Е-мое, два притопа, три прихлопа!

И только тогда до меня дошло, что я оставил дома не только жену, но и карточку!

Мужской хохот метнулся в замкнутом секторе плацкарты, бухнулся сабвуфером в Лехин матрас и стих под багажной полкой, где крохотным самописцем скользила одинокая муха. Леша еще пару минут следил за хаотичными передвижениями черной точки по белой поверхности, размышляя, что же двигает этим маленьким курсором, заблудившимся в случайных мирах. И что теперь движет им самим?

Ему снова снился покойный дядя Гриша. Иваныч заходил в купе и протягивал Лехе кусок дымящейся курицы. Потом, нервничая, поглядывал на часы и убежал в конец вагона, прыгал с подножки. А по перрону уже была расстелена красная дорожка к трапу самолета, куда спешил бывший коллега, помахивая на прощание стареньким портфелем.

И лишь однажды дядя Гриша приснился за столом в своем кабинете. Он качал головой и грустно спрашивал: «Леш, зачем ты меня подсидел? Ты ведь и так молодой». Леха бросился доказывать, что все совсем не так, но сразу проснулся. Долго лежал в протопленной бытовке, вспоминая давнишний разговор в столовой комбината.

Он сидел за столиком с начальником отдела сбыта. – А это что за красавец? – спросил Леша, кивнув на незнакомца с мелированными волосами, которому буфетчица услужливо наливала кофе и укладывала в пакет марципаны.

– Новый заместитель гендиректора, – шепнул Колпачев.

– Погоди, а как же Иваныч? – не понял Леха.

– Ты словно на Камчатке живешь, – ухмыльнулся глава отдела.

– Я же только что из отпуска.

– Иваныча проводили на пенсию, – пояснил Колпачев. – Так уж получилось. Но постарались, чтобы все выглядело достойно. Кстати, главный инженер о тебе спрашивал. Говорил, лучшей кандидатуры все равно не найти. Так что, скорей всего, ты и примешь дела. – Колпачев увидел округлившиеся Лехины глаза и осклабился, сверкнув прокуренными зубами. – Тебе и об этом не рассказали?

– Не рассказали, – растерялся Леха. – А как же ты?

– А меня забирают в главное управление. – Начальник отдела сбыта проводил взглядом типа с ухоженной прической. – Теперь вот с ним работать будем.

В ту секунду ни Колпачев, ни Леха еще не знали, что запланированного расширения производства так и не случится, а предприятие, обескровленное новыми владельцами, очень скоро начнет распро-

давать японские станки, чтобы погасить хотя бы часть долгов. Потом Леха в отделе кадров получит трудовую книжку и несколько лет будет перебиваться случайными заработками. Теперь же он убиет время в поезде с разношерстной стаей мужиков, вырванных из привычного быта.

Одни не просыхали сутками, кто-то разгадывал кроссворды или травил байки, спасаясь от скуки. Другие вахтовики напоминали Алексею настороженных хорьков. Они никогда не участвовали в вагонных пьянках, не поддерживали общие разговоры и больше всех маялись от вынужденного безвременья дороги. Но Леша знал, что на самом деле ни «хорьков», ни пьяниц, ни балагуров здесь нет – на нижних и верхних полках мерцали лишь графики функций, остаточные токи давно умерших организмов. Их время уже закончилось, его унесли птицы на высоковольтных проводах, а тела по инерции все еще чертили нелепые траектории в плацкартах или были раскиданы человеко-бревнами по спальным местам. Эти бревна верили, что еще тянутся ввысь лесом, не подозревая, что их давно спилили и положили в срубы чужих теремов и несчастливых домашних империй.

«А я ведь и сам стал точно таким же бревном», – подумал Леха и ощупал лицо, словно пытаясь обнаружить невидимый спил.

– О, вот и Леха проснулся, – обрадовался хозяин забытой карточки. – Спускайся к нам. «Дошик» будешь?

– Не, спасибо. – Леха спрыгнул с верхней полки.

– Ну и зря, – обиделся вахтовик. – Между прочим, я туда ветчинки кинул.

– Ты его не уговаривай, – посоветовал сосед. – Леха у нас бич-пакеты не ест, он большой ценитель изысканной домашней кухни – цыпленка табака, картошечки по-деревенски...

– От картошечки я бы и сам не отказался, – причмокнул любитель «Доширака». – Да только где ее сейчас возьмешь? Менты гоняют бабок от самого Усинска.

– Совсем оборзели, – поддержал кто-то из мужиков. – И в тамбуре не покурить.

Алексей почему-то вспомнил лицо бабульки из Барабинска с характерной сеточкой морщин, но оно расплывалось перед его мысленным взором, уходило в слепоту бушевавшей за окном метели. Интересно, сколько птиц и просек разделяют сейчас этот поезд и серый барабинский перрон? На мгновение Лехе померещилось, что старая история с кулком картошки ему просто приснилась – вместе с Иванычем и всей прошлой жизнью.

Он вышел в коридор за кипятком, но не успел подойти к титану, как что-то черно-белое скользнуло за стеклом. От неожиданности Леха чуть не выронил кружку. Сорока! Но откуда она взялась в этой заледенелой глуши? Случайно отбилась от своих, не успела вернуться перед непогодой в родное гнездо? Леша всматривался в белые пространства, стремясь угадать, откуда снова выпорхнет этот осколок жизни. Но сорока провалилась в снежную темень, словно телеграмма о самом важном, выпавшая из плохо закрытого почтового ящика.

– Леш, заглядывай на огонек, – послышался голос сзади. – Мои в соседнем вагоне опять в литрбол играют.

Это был Николай Сергеевич, низкорослый мужичок в летах.

– Без проблем. – Леха присел за столик в плацкарте. – Ты от них хотя бы немного отдохнул?

– Первый раз выспался, – зевнул Сергеевич. – Слушай, я вот что хотел спросить: тебе, случаем, банный котел не нужен? Я новый ставлю, а старый девать некуда. Почти не использованный.

– Сергеевич, ты что, забыл? У меня нет бани.

– Прости, запамятовал, – извинился вахтовик. – Старость не радость.

– Бывает, – кивнул Леша.

Сергеевич давно строил баню, но лишь немногие знали подноготную этой истории. Вся жизнь старый вахтовик прожил в городской квартире и всегда мечтал о собственной баньке из настоящего северного сухарника. Такая стояла у деда в деревне, куда маленький Колька приезжал на каникулы. Дедушкина баня давно сгорела, но Николай навсегда запомнил ее угловатую душу, и мох между бревнами, и терпкий аромат потемневшей от времени кондовой парилки.

После смерти деда деревенский дом достался семье дяди. Николай обзавелся собственным земельным участком только в зрелые годы, и строительство бани сразу превратилось для мужчины в навязчивую идею. Он долго копил деньги, придирчиво подбирал материал и работников. Однако в таком важном деле мало кто мог устроить Сергеевича, поэтому сруб ему пришлось в итоге мастерить на пару с тестем и двумя знакомыми калымщиками. Впрочем, хозяин скоро со всеми разругался и доделывал баню уже в одиночку, медленно и кропотливо. Но чем ближе стройка подходила к концу, тем острее Сергеевич чувствовал, что баня стала не просто мечтой, а единственной мечтой всей его куцей жизни.

Он привык жить по наработанной схеме «дом – работа – дача» без далеко идущих планов и с же-

ной, закручивающей банки с огурцами, когда вселенную легко уместить в коробку, а мир состоит из мелочей и наполняется только мелочами. И лишь баня тихонько росла вверх, пускала корни в углу квадратного и давно распланированного участка души Николая – там он еще мог себе позволить что-то менять. Но Сергеевич никогда не задумывался о моменте, когда его большой проект полностью обретет плоть.

По вечерам он приходил в пахнущую терпким сосновым духом парилку, забирался на верхнюю лавку и подолгу сидел в полумраке. Закрывал глаза, представляя, будто находится в дедовой бане. Потом трогал доски лежанки, все еще гадая, подходят они для такого дела или не совсем и тот ли человек сидит сейчас на них или уже изменился. Теперь вахтовик испытывал страх перед будущим, в котором не оставалось места ни для чего большего. Темное нутро собственноручно выстроенной мечты не отпускало Николая Сергеевича, будто намекая, что настоящая тьма сгустилась не здесь, а за предбанником, забором, автобусной остановкой и далее со всеми.

С тех пор Сергеевич лишь улучшал давно готовую баню. То порожек перестелет, то в парилке что-нибудь подправит. Баня топилась по субботам, и постепенно ее стены пропитывались копотью, но для Николая дело еще не было завершено. Жена поначалу ворчала, но потом смирилась, плюнув на чудачества супруга, регулярно орудовавшего молотком или рубанком в углу участка.

– Ты «Ниву» еще не продал? – вдруг спросил Сергеевич.

– Нет. На объявление пока не клюют.

– Не продавай ее, Леш. – Сергеевич взглянул Алексею прямо в глаза.

– Не понял? – прищурился Леша.

– «Нива» отцовская?

– От папы досталась, – кивнул Алексей. – Если сейчас не продам, через пару лет ее никто не купит. Она почти ржавый хлам.

– Нет, не хлам, – покачал головой Сергеевич. – Дело, конечно, твое. Но ржавеет, Леш, лишь то, что забывается. Не знаю, поймешь ли меня. Но вот что хочу тебе сказать: мы живем не здесь и не сейчас. Мы живем только там. – Старый вахтовик прочертил по запотевшему окну полосу в сторону, куда уносились прочь столбы, деревья и хлопья снега.

Утренний дом встретил Алексея пустотой. Жена уже ушла на работу, а дочь сдавала зачет. Нина по

телефону не уточнила, какой именно, а Леша не переспросил. Да это и не имело никакого значения.

Слова Сергеича не шли из колоды. В «Ниве» все кричало об отце – и «розочка» на ручке переключателя передач, и обивка кресел с въевшимся намертво запахом батиного табака, и почти истертая наклейка красавицы начала восьмидесятых на приборной панели. Леша помнил, как она еще сияла свежей цветной улыбкой в тот счастливый день, когда отец забрал его из детсада перед сончасом и повез на речку. Лешка шмыгал носом, и большой сильный человек время от времени заставлял его высмаркиваться. «Оторву твой нос поганый!» – приторно кричал батя, и маленький Леша понемногу пугался, а потом смеялся. «Раз-два!» – командовал папа, и сын послушно прочищал ноздри в подставленный к носу совсем не мамин, а необычный, суровый платок.

Потом они шли к самодельному турнику на берегу, отец подсаживал Лешку и следил, как сын пытается подтянуться. «Так только обезьяны висят», – хмурился батя, и Леша исправлялся. Менял хват, убирал большой палец под перекладину. Потом бежал за папой босиком по прогретой майской тропинке – чтобы никогда не болеть. После купания батя вытирал его большим мохнатым полотенцем, и Леша становился похожим на нахохлившегося чижа. Это очень веселило отца. Перед отъездом он протирал тряпкой стекла «Нивы», хлопая дверью. Солнечные зайчики летели во все стороны, Лешкино сердце замирало от чуда, и не было в тот момент ничего прекраснее на свете.

Через несколько месяцев все это исчезнет, и Леша сядет за руль новой иномарки, пахнувшей стерильной пустотой, потому что это нормально, потому что это необходимо. Точно так же в его жизни уже обосновалась масса стерильных и правильных вещей, добротного сколоченных вокруг своих межатомных пустот. Светлый шкаф из «Икеи» вместо маминого серванта, такой же бледный, почти отсутствующий диван, удобный компьютерный стол, сменивший старенький школьный с теплой шербинкой на краю, которую Леша расковырял в четвертом классе от обиды за двойку. А потом много раз, когда было плохо, скользил по ней пальцем, словно надеясь заручиться защитой дерева, пропитанного запахами старых тетрадей и одеколona «Саша» в засохших фломастерах, и всей могущественной карандашной республики, обитавшей ящиком ниже. Скоро и запах отцовской машины останется в другом мире, ведь он, Леша, уже дернул невидимый рубильник принятого решения, и продлевать дни

тому, что он для себя уже похоронил, нет никакого смысла.

Леша достал купленную по дороге бутылку «Столичной», налил полстакана. Выпил, не закусывая. Огненный симбиоз водно-спиртовой смеси не столько согрел, сколько обжег.

Как же все по-дурачки устроено! Маленький несуразный Сергеич вцепился смертельной хваткой в то, что не мог отпустить, и затормозил ход времени, а он, Леша, не в силах даже снять вывешенное в интернете объявление, объяснить себе, что и рубящему взад-вперед маятнику можно вцепиться в горло, обмануть всегда выигрывающее казино. Алексей вдруг почувствовал, что время, отпущенное «Ниве», на самом деле уходит струйкой не из отжившей свой век машины, а из его грудной клетки.

Днем он мучился от истязавшего душу тревожного чувства, ранившего невидимой иглой сердце. Йоркшир соседа Вовы снова лаял, и ад запертой дома собаки изводил Леху, маявшегoся похожей истомой. Пес рвался в обивку двери. Вова ходил играть к Черепановым в домино, но Арчи этого не понимал и часами лил безутешную отповедь хозяину. Вечерами Леша особенно жалел брошенную псину. Он часто сравнивал Арчи с собой и с каждым разом находил все меньше отличий.

Впереди его ждали лишь черные океаны проживаемой зря жизни, чьи приливы и отливы без труда угадывались заранее. Мерцающие дни, обессточенные ночи, безупречные рефлексy прибрежного краба и раз в месяц полнолуние в пухлом конверте. Тлеющее тепло застрявшего в этом мире тела, которое не сделало за свой век ничего путного.

Скоро вернется жена, но не спросит, как выдалась вахта, потому что ей давно все равно. Леша вручит Нине купюры, и безучастные глаза супруги на миг вспыхнут, заискрятся искорками, словно мех норки. Из института явится Варька и, поздоровавшись на ходу, сразу отчалит в свою комнату. За ужином, возможно, немного оттаает, снова станет ласковой, попросит денег. Когда же все они стали друг другу чужими?

А потом вечер закончится так же глупо, как и начался. Разве что в ванной останется тонкий шлейф изысканного парфюма и еще чего-то неуловимого из арсенала дам, которые с годами вдруг начинают крайне внимательно следить за собой. Леша был уверен, что именно так должны пахнуть женщины за пять минут до измены. И лишь тонкое серебряное колечко, которое он подарил на втором курсе счастливой озорной Нинке, будет спать на полоч-

ке у зеркала, таинственно поблескивая в полутьме светом давно погасшей звезды.

Много раз Леха представлял, как однажды не вернется домой. Эта мысль постоянно возвращалась к нему, обрастая десятками сценариев. Например, он поскользнется и упадет под колеса грейдера. Или, монтируя антенны вышки связи, сорвется с высоты тридцатипятиэтажного дома. «А если я просто не проснусь? – размышлял Леша. – Интересно, заметят ли они мое отсутствие, станут ли искать, звонить? Исчезну ли я навсегда или мое тело все еще будет ездить на вахты, томиться в поездах, спать с женой в разных постелях?»

Будильник на холодильнике стучал в тишине, и Леха чувствовал, как жилка на шее пульсирует в такт. Тик-так, хлоп-хлоп... Кто прозвал это состояние черным? Нет, у него цвет иной – прозрачной акварели полного безразличия. Как стекло этой тикающей звенелки. Все так увлечены гонкой по ее замкнутой круглой физиономии, не замечая, что настоящая беготня происходит совсем в иной плоскости.

Сначала ты просто впитываешь свет, подставляя солнцу циферблат молодого лица, и сменяющие друг друга стрелки правил и формальностей лишь красиво оттеняют твою жизнь мужественным «надо». Но с годами незаметно просачиваешься внутрь – туда, где больше нет света, зато есть рубины. Тебя постепенно засасывают в свою круговерть важные и неотложные колеса. Затем погружаешься еще глубже, и мир встроенного зубчатого порядка начинает казаться почти родным; появляется ощущение, будто вот-вот доберешься до сути, приводящей все в действие. Но когда ты почти схватил эту суть за распрямляющееся естество, неожиданно понимаешь, что управляют ей совсем с другой стороны, а в конце тебя ждет обыкновенная крышка, на которой навеки застыла ехидная усмешка будильничьего Гупинплена.

Леха смотрел на гаснущий горизонт и вспомнил, как в пятом классе с мальчишками гулял после уроков за железнодорожным депо и дошел до тупика. Рельсы упирались в черно-белую птицу полосатого упора, за которым начиналась небольшая березовая рощица. Неподалеку пути переходил дядька в оранжевой жилетке.

– Дядь! – окликнул его Лешка. – А что будет, если поезд поедет дальше?

– Сказки начнутся. И чудеса, – погрозил пальцем железнодорожник. – Шли бы вы отсюда, двоичники. Железная дорога – не место для игр.

– Мы не двоичники! – возмутился Леша. – И какая же это дорога, если дороги больше нет?

Но пацаны дернули его за рукав: «Ладно, пошли отсюда».

Дома Лешка размышлял, что бы он встретил за деревьями, перед которыми обрывались рельсы. Ему казалось, там лежат поросшие мхом остовы старых забытых путей, а может, наоборот – начинаются новые. Леха много раз мечтал о том, как в одиночку исследует перелесок, но так и не сделал этого, опасаясь спугнуть то, что там непременно должно быть. Перед сном он часто думал о деревьях за тупиком. Ему нравилось представлять, что в роще все правильно, а значит, ничего не совершено и не завершено.

Только сейчас, стоя у промозглого окна и думая о железнодорожном тупике, Леха понял, куда на самом деле вела линия, прочерченная Сергеичем по вагонному стеклу. Нет, она уходила не в прошлое, а куда-то вбок, прочь от всех времен и железнодорожных путей. Где-то там пульсировали упрямыми нейтронными звездами все эти милые, нелепые и ничтожные вещи, живые и мертвые, нетронутые и сокрушенные – все, что давно ушло, и то, чего вовсе не существовало. Они держали его за шкибон, не давали сойти с ума, но и коржили, срывали действительность с резьбы, потому что не просто жили вопреки всему, а казались Леше единственным живым из всего, что его окружало. Невидимой темной материей они крутят водовороты галактик людских жизней, стягивают невидимые глазу структуры человеческих сверхскоплений, а люди думают, что вращаются только вокруг своих солнышек. И Леха впервые почувствовал, насколько они сильны, эти вещи.

Закат сменился фиолетовыми сумерками, и в окно уставился огромный глаз антрацитного неба – холодный, глянцево-птичий. Какой смысл тянуть еще двадцать-тридцать лет, похожих друг на друга, как близнецы? И даже до следующей вахты ждать незачем.

На днях он уйдет в гараж. Наврет жене что-нибудь про «предпродажную подготовку». Запрет ворота, включит двигатель «Нивы» и даст выхлопам и времени все сделать самим.

Во входной двери заскрежетал ключ.

– Представляешь, зовут в 535-ю завучем, – безучастно сообщила Нина, расстегивая молнии на сапогах. – Вот только лишний час езды...

«Наверное, она рассказывает все это себе как аутотренинг, – догадался Леха. – По десятому разу за день».

– ...В общем, взяла время подумать, – продолжала супруга. – Кстати, у Ленки муж на новое место перешел. Им вроде мастер нужен на стройке. Может, пойдешь?

– Уже проходил эту кухню, неактуально, – бросил Леха в коридорную пустоту.

– Конечно, «неактуально», – передразнила Нина. – Разве это может быть актуальнее твоих пьяных поездов?

– Перестань, – процедил Леша. – Какая к черту стройка? За год радикулит три раза бабахал.

– Ходи в спортзал, бегай по утрам – и бабахать не будет, – заворочались зубья хорошо знакомой пилы. – И коль уж речь зашла о поездах, лучше подумай, почему мы три года нигде не отдыхали. Даже в Сочи выбраться не можем!

В квартиру позвонили – звонок два раза протяжно пропел соловьем.

– Вот и Варька вернулась, – обрадовалась мама.

– Ма, па, привет! – наскоро поприветствовало родителей семнадцатилетнее создание и сразу перешло к решительной атаке: – Пап, мне деньги нужны, срочно. С девчонками в клуб собираемся. В приличный! Но без бабосов там ваще без вариантов. Не хочу выглядеть отстойщицей.

– А с бабосами, значит, не отстойщица? – хмуро осведомился Леха.

– Леша, не заводись, – предупредила Нина. – Девочка должна общаться с подругами на равных.

– Я сейчас не об этом.

– Пап, да не волнуйся ты, все будет нормально. – Варя обняла отца за шею и чмокнула в небритую щеку. – Просто там новый диджей, будет крышесносная программа.

– Что, даже без таблеток?

– Папуль!!!

– Ладно, уговорила. – Леша достал портмоне и зашелестел бумажками. – Пяти тысяч хватит?

– Пап, – обиженно просипела Варвара.

– Хорошо, пусть будет семь.

– Пап, мне нужно двадцать. И это минимум.

– Ты что, смеешься?!

– Я же не собираюсь все тратить, – шмыгнула носом Варька. – Просто пойми: стыдно в таком месте заседать с лоховскими деньгами.

– Лоховскими? – Леха почти физически ощутил привкус солоноватого слова.

– Ну да, лоховскими, – подтвердила Варя. – Папульчик, ты только не обижайся. Если топаешь в отличный клуб, денег у тебя должно быть много, иначе ты лохушка и нищербродка. Даже Женька, которая из своего сельпо к нам поступила, – и та

догоняет. Заработала на тусу. А у нее, между прочим, ни папы, ни мамы. И ниче, крутится, не хочет быть отстойным лохозавром. Хотя и в их сельпо объявляются лохи. Иногда даже с деньгами.

– Успела развести парня на бабки? – хмыкнул отец.

– Леша! – напомнила Нина.

– Не, там не в парне дело, – пояснила Варя. – Лохом я его называю просто для ясности. Женькины предки по пьянке умерли, когда ей и пяти не было. Ее тетка растила, бабушкина сестра. Вот они и тянули вдвоем на бабкину пенсию. В долги влезли, а отдавать нечем. Тетка торговала чем могла, да какая торговля в их дыре – копейки вшивые. Она потом признавалась Женьке, что в тот вечер даже собиралась повеситься от такой жизни – мол, внучке в детдоме все одно будет лучше. Сходила последний раз на вокзал поторговать, и вдруг какой-то проезжий лох купил у нее пирожки в поезд. Да еще тридцать тыщ дал! Просто так дал, прикинь? Хотя, думаю, заливаает Женька... Папуль, да что с тобой? Ты плачешь, что ли? Пап, папочка, ну перестань!

